

ГЛАВА 1

Что такое революция?

УТРОМ 14 июля 1789 г. толпа, состоявшая из парижского рабочего люда, начала штурм Бастилии. На помощь ей пришли солдаты-дезертиры, которые прихватили с собой пушки. Стоявшая неподалеку лагерем королевская армия предпочла не замечать происходящее, и под конец дня толпа ворвалась в крепость. Коменданта убили, насадили его голову на пику и прошли с нею по улицам. Говорят, что вечером того же дня на вопрос Людовика XVI: «Это что, бунт?» герцог де Ларошфуко ответил: «Нет, сир, это *революция!*»¹

Ответ герцога был продиктован его уверенностью в том, что толпы не просто требовали снижения цен на хлеб или отставки непопулярного министра и не просто выражали протест против эгоистичной роскоши, в которой жила королева Мария-Антуанетта. Парижане выступили в поддержку Национального собрания и третьего сословия — простого народа, представители которого заседали в Генеральных штатах. Три недели ранее эти люди бросили вызов королю, объявив, что именно третье сословие, а не знать и духовенство, должно стоять во главе Франции. А при поддержке народа и перешедших на их сторону солдат они могли положить

---

1. Webster's New World Dictionary of Quotations. Hoboken, NJ.: Chambers Harrap // <http://quotes.yourdictionary.com/rochefoucauld>.

конец старому общественному и политическому режиму.

В основании наших взглядов на революцию лежат два главных образа. Первый — героический: забытые и угнетенные массы встают с колен при помощи вождей, которые направляют их на свержение несправедливых правителей и помогают добиться свободы и достойного существования. Происходящее при этом насилие необходимо для уничтожения старого порядка и подавления его сторонников. Это — родовые муки нового порядка, который должен принести с собой социальную справедливость. Идеал, принадлежавший древнегреческой и римской традициям времен основания республик, был подхвачен защитниками американской и французской революций, такими как Томас Пейн и Жюль Мишле. Позднее ему была придана современная форма, названная теорией неизбежной победы бедных над богатыми и развитая Карлом Марксом, Владимиром Лениным, Мао Цзэдуном и их последователями.

Но существует и другой, противоположный образ революции — как взрыва народного гнева, порождающего хаос. С этой точки зрения, какими бы благородными мотивами ни руководствовались реформаторы, спуская толпу с привязи, они получают массу, которая жаждет крови и поднимает волны насилия, уничтожающие все вокруг, в том числе самих революционных вождей. Стремясь к заведомо недостижимым целям и личной славе, эти вожди превращают цивилизованное общество в руины, приносят неоправданные жертвы и разрушения. Такой взгляд высказывали английские критики начиная с Эдмунда Берка и Томаса Карлейля и кончая Чарльзом Диккенсом, которые испытывали страх перед эксцессами французской революции. Позднее его подхватили критики русской и китайской революций,

считавшие цену за преобразования, проведенные Сталиным и Мао, непомерно высокой.

История революций свидетельствует о том, что на самом деле у медали две стороны. Революции очень отличаются друг от друга. Одни носят ненасильственный характер, другие порождают кровавые гражданские войны; одни приводят к демократии и свободе, другие — к жестокой диктатуре. Сегодня политических лидеров интересуют не столько конкурирующие революционные мифы, сколько ответы на вопросы, почему происходят революции и как они развиваются. Революции, вспыхивающие в самых неожиданных местах — в Иране и Никарагуа в 1979 г., в Советском Союзе и Восточной Европе в 1989–1891 гг. и по всему арабскому миру в 2011 г., — это не просто шок для правителей, но и нарушение мирового порядка.

В этой книге предпринимается попытка ответить на следующие вопросы: почему происходят революции, в связи с чем они застают нас врасплох, какова их история, и как они влияют на национальную и мировую политику. Но вначале необходимо понять, что представляет собой революция, и чем она отличается от других видов нарушения порядка и социальных преобразований.

Определение понятия «революция»

На протяжении всей истории люди страдают от притеснений и гнета. В большинстве случаев они проявляют стойкость духа и смирение, возносят молитвы и надеются на лучшее. Как правило, люди считают власть слишком сильной, чтобы можно было ее изменить, а самих себя слишком малочисленными и слабыми, чтобы осуществить преобразования.

И даже если они все-таки восстают, их действия по большей части не находят широкой поддержки и легко подавляются.

Поэтому революции случаются редко — гораздо реже, чем репрессии и несправедливые деяния. Они происходят только тогда, когда правители слабеют и оказываются в изоляции, когда элиты нападают на власть, вместо того чтобы ее защищать, а люди начинают чувствовать себя частью многочисленной, сплоченной и исполненной правоты группы, способной действовать сообща ради перемен.

Политологи и историки определяют понятие «революция» по-разному. Большинство считает, что революции предполагают насильственную смену власти, участие масс и преобразование институтов. Другие говорят о том, что революции случаются относительно внезапно, а третьи — что они носят насильственный характер. Некоторые настаивают на том, что революции — это проявление классовой борьбы бедных против богатых или простонародья против людей привилегированных. Однако на самом деле все это просто разные формы, в которых происходят революции.

Во времена китайской коммунистической революции Мао Цзэдун, прежде чем прийти к власти, провел более двадцати лет в глубинке, поднимая крестьянство и борясь с националистами. Большинство недавних «цветных революций», таких как революция «власти народа» на Филиппинах и «оранжевая революция» в Украине, развивались быстро, в течение нескольких недель, и все же оставались ненасильственными. Многие антиколониальные революции, такие как американская, объединяли все классы в борьбе с колониальной властью и почти или вовсе не вели к перераспределению богатства или социальных статусов.

На протяжении почти всего XX в. социологи неохотно брались за изучение субъективной стороны революций. «Структуралисты» предпочитали иметь дело с легко наблюдаемыми феноменами — конфликтами и сменой институтов. Однако в последние годы исследователи пришли к пониманию того, насколько важны идеология и нарративы социальной справедливости для мобилизации и конечных результатов революции. Поиски социальной справедливости неотъемлемо связаны с тем, как люди определяют свое отношение к революции и какой способ действий они выбирают.

Поэтому лучше всего определить революцию одновременно и как объективные, наблюдаемые феномены массовой мобилизации и институциональных изменений, и как движущую ими идеологию, включающую представление о социальной справедливости. *Революция* — это насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов.

Чем не являются революции

Главной трудностью при определении этого понятия можно считать сходство революций с другими и более часто случающимися разрушительными событиями, особенно учитывая то обстоятельство, что такие события почти всегда происходят во время революций и являются их составными частями. Эти события включают крестьянские восстания, хлебные бунты, стачки, общественные и реформаторские движения, государственные перевороты и гражданские войны. Все они имеют свои собственные причины

и следствия, однако к революциям приводят лишь при наличии определенных условий.

Крестьянские восстания представляют собой волнения в сельских поселениях. Иногда это протест против требований местных землевладельцев, иногда — против представителей государства (сборщиков налогов и других официальных лиц). Обычно они стремятся привлечь внимание к тяжелому положению на местах и нацелены не на смену власти, а на то, чтобы получить от правительства помощь в решении проблем локального характера.

Хлебные бунты — это массовые мобилизации, выражение протеста против нехватки продуктов питания или непомерных цен. Во время таких бунтов происходят захваты складов или магазинов, нападения на пекарни или торговцев или, в духе Робин Гуда, раздача продуктов беднякам. При этом выставляются также требования ввести ограничения на рост цен или сдержать их с помощью государственных субсидий. Хлебные бунты обычно вспыхивают в городах, где жизнь людей зависит от хлеба и других предметов первой необходимости, приобретаемых по рыночным ценам, но они могут происходить и в сельской местности в ключевых пунктах транзита или хранения зерна. В 2007–2008 гг., после глобального повышения цен на продовольствие, хлебными бунтами были охвачены не менее десяти африканских стран. Подобно крестьянским мятежам, хлебные бунты, как правило, добиваются не смены власти, а помощи от правительства.

Стачки — это мобилизации рабочих с целью временного прекращения работы. Обычно такие протесты связаны с оплатой и нормированием труда, продолжительностью рабочего дня, безопасностью рабочих мест и касаются конкретных регионов или отраслей. Однако если рабочие имеют серьез-

ные и разделяемые всеми претензии к политике властей, они объявляют всеобщую стачку, и тогда работа прекращается по всей стране, или политическую стачку, когда рабочие ключевых отраслей (горнодобывающей, энергетической, транспортной) координируют свои действия и отказываются вернуться на работу до тех пор, пока правительство не пересмотрит свою политику. Стачки такого рода сыграли решающую роль в свержении советских и других коммунистических режимов в Восточной Европе.

Крестьянские восстания и хлебные бунты характерны для традиционных аграрных обществ. Напротив, в большинстве современных обществ протесты против политики властей часто принимают форму общественных или реформаторских движений.

Общественные движения представляют собой массовые мобилизации, проводимые в интересах отдельных групп или ради достижения конкретных целей. Обычно они направлены против дискриминации или притеснений членов какой-то группы. Общественные движения могут носить подрывной характер и приводить к ответным насильственным действиям со стороны режима, как это имело место в США в отношении движений за гражданские права человека и за прекращение войны во Вьетнаме. Они спользуют такие тактические инструменты, как сидячие забастовки, марши, бойкоты и занятие административных зданий или публичных мест. Тем не менее большинство общественных движений нацелены на решение проблем той или иной конкретной группы.

Реформаторские движения открыто выступают за изменение существующих государственных институтов, принятие новых законов, направленных на борьбу с коррупцией, расширение избирательных прав или более широкую автономию отдельных ре-

гионов. Однако своих целей они достигают не посредством свержения существующей власти, а с помощью законных методов, добиваясь своего в судах или через избирательные кампании, проводя новые законы или внося поправки в конституцию. Революционными такие движения становятся лишь тогда, когда власть сопротивляется разумным переменам или медлит с ними и преследует реформаторов. Так, мексиканская революция вспыхнула, когда диктатор Порфирио Диас посадил в тюрьму умеренного реформатора Франсиско Мадеро и сфальсифицировал результаты выборов, на которых реформаторы одержали явную победу.

Беспорядки и движения такого рода обычно нацелены на решение местных проблем или проблем той или иной группы. Однако существуют и другие их виды, нацеленные на свержение власти. Они включают государственные перевороты, радикальные общественные движения и гражданские войны. Но и они, как правило, не вызывают революции.

Самыми распространенными действиями, способными привести к насильственному свержению власти, являются элитарные или государственные перевороты (*coups d'état*, в буквальном смысле — удары по государству). Они происходят, когда авторитарный лидер или небольшая группа лидеров захватывают власть, не прибегая к широкой массовой мобилизации или гражданской войне. И хотя военные перевороты, направленные против демократий или монархий, рождают новые политические институты, они практически никогда не делают это во имя широко понятых принципов социальной справедливости. Их лидеры обычно заявляют, что совершили действия, необходимые для восстановления порядка, пресечения разгула коррупции и прекращения экономического упадка, и что они уйдут, как толь-

ко решат поставленные задачи. Примерами служат недавние военные перевороты в Таиланде в 2006 г. и в Нигере в 2010 г.

С другой стороны, перевороты могут приводить к революциям, если лидеры переворотов или их сторонники выдвигают идею преобразования общества на новых началах справедливости и общественного порядка, принимают за мобилизацию масс, чтобы обеспечить поддержку своих идей, а затем воплощают свой замысел в новых институтах. Примерами служат светская националистическая революция Ататюрка в Турции, арабская националистическая революция Насера в Египте и «революция гвоздик», организованная офицерами в Португалии.

Радикальные общественные движения, в отличие от большинства общественных движений, ставят своей целью насильственное свержение власти. Однако они не достигают успеха, если не выходят за рамки обычно узкого круга последователей и не создают широкой коалиции различных групп, стремящихся к той же цели. В противном случае, подобно мятежным студентам в «Отверженных» Виктора Гюго, их легко изолируют и обезвреживают.

К насильственному свержению власти часто приводят гражданские войны, которые вспыхивают или в результате династической борьбы между представителями одного клана; или в ходе действий, предпринимаемых военными офицерами (вышедшими из подчинения и борющимися за власть при поддержке вооруженных сторонников); или из-за действий религиозных или этнических групп, стремящихся оттеснить или устранить конкурентов. Но ни в одном из этих случаев за попыткой свержения власти не стоит мечта о реализации нового представления о социальной справедливости. Революционной война становится лишь тогда, ког-

да лидер, обладающий новым видением общества, собирает армию для свержения власти и реализации своего замысла. И мы говорим о революции в том случае, когда такая кампания достигает успеха и ведет к преобразованию политических институтов.

Революционные гражданские войны начинаются и после свержения старого режима. Те, кто пользовался привилегиями при старом режиме, и даже те, кто просто не желал никаких перемен, могут мобилизовать контрреволюционные силы и пойти войной на новую революционную власть. Некоторые наиболее массовые гражданские войны в истории, погубившие миллионы людей, такие как война «белых» против «красных» в 1918–1921 гг. в России и мексиканская гражданская война 1913–1920 гг., начинались как борьба революционных лидеров с контрреволюцией.

В дополнение к упомянутым выше явлениям часто можно слышать о «мятежах», «волнениях», «инсurreкциях» и «партизанской войне». Эти понятия иногда путают с революцией, хотя они имеют другой смысл. Мятеж — любое действие группы или индивида, которые отказываются признавать существующую власть или добиваются ее свержения. Например, мы говорим о мятеже элиты, когда суды отказываются признавать какой-то указ правителя, и мы говорим о народном мятеже, когда толпы занимают центральную площадь и не расходятся вопреки требованиям властей.

Любая попытка совершить революцию есть по определению мятеж, поэтому мятежами часто называют усилия, направленные на свержение режима, но не завершившиеся успехом. При этом не всякий мятеж, достигающий своей цели, способен привести к революции. Если какой-нибудь герцог, имеющий династические притязания

на трон, выступает с оружием в руках против короля, это называется мятежом. Но если он достигает успеха и становится новым королем, а все институты власти остаются практически без изменений, никакой революции не происходит. Беспорядки и инсurreкции являются видами народных восстаний: первые — обычно невооруженные или плохо вооруженные народные мятежи, а вторые подразумевают определенную военную подготовку и организацию, а также применение мятежниками боевого оружия и военной тактики.

Партизанская война — это просто способ ведения военных действий, часто используемый в ходе мятежей и революций. Если в обычной войне солдаты объединены в крупные военные подразделения, входящие в состав частей регулярной армии, живут в бараках и снабжаются всем необходимым с помощью специального транспорта, то партизанская война опирается на небольшой мобильный контингент бойцов, сформированных в нерегулярные подразделения, живущих на подножном корму или ассимилировавшихся с местным населением, которое их и кормит. Партизанская война особенно эффективна, когда малым отрядам необходимо вытеснить со своей территории более многочисленного и сильного врага. Они причиняют противнику урон, нанося непрекращающиеся удары, но не вступают в решающее сражение с превосходящими силами. Такая тактика часто выбирается революционерами, число которых вначале невелико и которые противостоят правительственным войскам. Китайские коммунисты, вьетконговцы, отряды Кастро на Кубе и никарагуанские сандинисты, — все они вели партизанскую войну. По мере того как число их сторонников росло и они получали доступ к новым ресурсам (часто поступавшим из-за рубежа), революционеры перехо-

дили к более традиционным способам ведения военных действий в решающей схватке за власть.

Таким образом, крестьянские мятежи, хлебные бунты, рабочие стачки, общественные движения, перевороты и гражданские войны могут возникать в ходе революций и служить важными составными частями революционной борьбы. Тем не менее революции занимают особое место в истории и народном воображении, включая в себя *все* элементы — насильственное свержение власти, массовую мобилизацию, идею социальной справедливости и создание новых политических институтов. Именно это сочетание позволяет нам говорить о революции как о процессе, в котором лидеры-визионеры используют силу масс для того, чтобы насильственным способом установить новый политический порядок.

В чем причина революций?

ШИРОКО распространенное и при этом ложное мнение гласит, что революции по сути представляют собой акты негодования и происходят тогда, когда люди говорят: «Нам совсем плохо, и мы больше не будем терпеть». Однако исследования показывают, что эта точка зрения ошибочна.

Начнем с вопроса: «Не будем больше терпеть *что?*» Один из возможных ответов — «не будем терпеть нищету»: когда люди настолько бедны, что речь идет о самом их выживании, они восстают. Какая-то доля истины в этом есть, поскольку восстания часто происходят из-за экономических проблем. И все же революции, как правило, вызываются не нищетой. Большинство голодных годов (таких как великий картофельный голод 1840-х гг. в Ирландии) не приводили к революциям, хотя и вызвали крайнюю нищету из-за неурожаев и голода.

На самом деле революции чаще происходят не в самых бедных странах, а в странах со средним уровнем доходов. Когда началась Американская революция, колонисты жили гораздо лучше, чем европейские крестьяне. В самой Европе революция 1789 г. произошла в стране, крестьяне которой жили в целом лучше, чем крестьяне в России, где революции пришлось ждать еще сто с лишним лет.

Все дело в том, что нищие крестьяне и рабочие не способны свергнуть власть, когда им противостоят профессиональные вооруженные силы, ис-

полненные решимости защищать режим. Революция может начаться только тогда, когда значительные слои элит, и особенно среди военных, переходят на сторону восставших или не вмешиваются в происходящее. Так что в большинстве революций именно элиты мобилизуют население и помогают ему свергнуть режим.

Некоторые исследователи, признавая, что крайняя нищета может вызвать народные мятежи, но не революции, считают, что движущей силой революций является *относительное* обнищание. Люди восстают, когда неравенство или классовые различия становятся невыносимыми или когда рушатся надежды на лучшие времена. Однако крайнее неравенство может с тем же успехом приводить к покорности и утрате веры в революцию. Оно также оставляет бедные слои без ресурсов, с помощью которых можно было бы создать действенную революционную силу. Почти на всем протяжении истории крайнее неравенство и глубокая нищета оправдывались религией и традицией как нечто естественное и неизбежное. С ними смирялись и даже признавали их в качестве нормального порядка вещей.

Что превращает нищету и неравенство в движущий мотив революции? Главную роль здесь играет убеждение в том, что существующее положение вещей не является неизбежным, а возникает по вине режима. Народ поднимается против власти, только когда элиты и другие группы населения бросают режиму обвинение в несправедливости, порождаемой его некомпетентностью и коррупцией либо фаворитизмом и предпочтением одних групп населения другим.

Еще одним фактором, порождающим революции, считают модернизацию. Эта точка зрения пользовалась большой популярностью в 1960–1970-х гг.,

в то время, когда в развивающихся странах повсюду вспыхивали революции. Многие наблюдатели доказывали, что, как только доиндустриальные общества встают на путь модернизации, население сталкивается со свободными рынками товаров и услуг, неравенство усиливается, и традиционные религиозные и властные структуры утрачивают свое влияние. Когда происходит ломка ставших привычными отношений, люди начинают выступать с требованием новых, быстрее реагирующих на их нужды политических режимов и прибегают к силе, чтобы их создать.

Однако дальнейшие исследования показали, что модернизация не представляла собой какого-то комплекса преобразований, которые осуществлялись повсюду одинаковым образом. В одних странах модернизация подрывала режимы и приводила к революциям, а в других она укрепляла позиции правителей и создавала более сильные авторитарные режимы (такие, как сегодняшняя Саудовская Аравия или как Германия в правление Бисмарка). В третьих, например в Канаде, модернизация вызывала плавный переход к демократии. В одних странах революции вспыхивали, как только начиналась модернизация, как это было в Японии в 1868 г. или в Китае в 1911 г., а в других революции происходили спустя много лет после практически полного завершения модернизации, как это было в Восточной Европе в 1989–1991 гг. Понятно, таким образом, что не существует однозначной связи между модернизацией и революцией.

Наконец, некоторые исследователи объясняют происхождение революций распространением новых идеологий. Эта точка зрения также содержит в себе долю истины, поскольку идеологические сдвиги играют важную роль в революционной мобилизации. Однако остается неясным, почему людей при-

влекают новые и опасные политические идеи. Власть и элиты обычно навязывают населению взгляды, которые оправдывают их господство, и жестоко наказывают тех, кто ставит его под сомнение. Поэтому революционные идеологии зачастую чахнут, лишены последователей, и приводят к революционным действиям лишь тогда, когда уже произошел сдвиг в позиции элит, порождающий пространство и возможности для мобилизации людей вокруг новых убеждений. Новые идеологии — составная часть революций. Но их появления недостаточно для того, чтобы произошли революционные преобразования.

Все изложенные выше взгляды на причины революций неверны, потому что рассматривают общество как нечто пассивное, наподобие бетонной стены, которая падает, если приложить к ней достаточное усилие. Считается, что при достижении высокого уровня нищеты, неравенства, модернизации или идеологических сдвигов режим терпит крах и происходит революция. Однако общество не является чем-то пассивным, а состоит из миллионов активных людей и групп, действия которых постоянно воссоздают и делают прочным общественный порядок.

В обмен на налоги правители предоставляют покровительство и помощь. Элиты поддерживают правителей в обмен на престиж и политические и моральные вознаграждения, а группы населения занимаются хозяйственной деятельностью, воспитывают детей, молятся в церкви и получают защиту в обмен на свою экономическую активность и политическое послушание. Общество в целом постоянно воссоздает себя благодаря многочисленным взаимосвязям. Эти взаимосвязи позволяют ему через какое-то время воспроизводиться, а также сохранять запас жизненных сил, приходить в норму и восстанавливаться после голода, войн, эпидемий, локаль-

ных восстаний, распространения религиозных ересей и других кризисных явлений. Пока элиты едины и лояльны режиму, а большинство групп относительно довольно жизнью и предпочитает заниматься собственными делами, режимы могут оставаться стабильными в течение столетий вопреки любым трудностям и кризисам.

Революции как сложные внезапно возникающие процессы

Чтобы разобраться в причинах революций, необходимо понять, благодаря чему общество сохраняет устойчивость и жизнеспособность. В стабильном обществе группы населения занимаются хозяйственной деятельностью, доходов от которой достаточно для того, чтобы кормить семьи и платить ренту и налоги, идущие на содержание элит и правительства. Элиты — из властных и иных структур — выступают в качестве ключевых посредников между властью и населением, организуя политическую, экономическую, религиозную и образовательную деятельность, поощряя существующие верования и способы поведения и рекрутируя и обучая новых членов элиты. Правитель одаривает элиты наградами, признанием и поддержкой, а в ответ элиты поддерживают правителя. Власть также защищает население от вооруженных банд, иностранных вторжений, голода и других опасностей, чтобы население могло платить ренту и налоги. При этих условиях общество остается стабильным и жизнеспособным. Оно сопротивляется распространению восстаний и революционных идеологий, поскольку верные режиму военные, бюрократические и религиозные элиты подавляют оппозицию, а большинство групп населе-

ния заинтересованы в статус-кво и не желают идти на серьезный риск ради его изменения.

Такое общество находится, как говорят физики, в состоянии устойчивого равновесия. Представим себе шар, лежащий на дне глубокой впадины. Если приложить небольшое усилие и изменить его положение в любом направлении, он просто скатится обратно на дно, вернувшись в прежнее состояние. Таким образом, устойчивое равновесие является состоянием, при котором реакцией на умеренное воздействие становится возвращение в исходное положение. Подобно этому в обществе, пребывающем в состоянии устойчивого равновесия, реакцией правителей, элит и даже большинства групп населения на крестьянский мятеж или стачку, на войну или экономический кризис становится действие, которое восстанавливает существующий общественный порядок.

Теперь представим себе, что шар находится не на дне впадины, а на вершине горы. При отсутствии какого-либо воздействия шар остается на месте, но самое малое усилие приводит теперь к тому, что он скатывается с вершины и движется в некоем направлении. Это пример неустойчивого равновесия, при котором незначительное воздействие приводит к серьезному изменению исходного положения. Именно это и происходит с обществом во время революции.

Изучая различные общества в годы, предшествующие революциям, мы обнаруживаем, что социальные отношения в них претерпевают изменения. Правители слабеют, принимают неадекватные решения или ведут себя как бандиты, а многие представители элит больше не получают наград и поддержки и поэтому не склонны поддерживать режим. Элиты теряют единство, они расколоты на клики, которые относятся друг к другу с подозрением и недоверием.

Группы населения обнаруживают, что труд не приносит ожидаемых доходов или результатов. Иногда наблюдается нехватка земли, безработица, слишком высокая рента или падение реальных доходов, растет бандитизм. Простые люди чувствуют себя выбитыми из колеи и незащищенными. Многие элиты и группы населения считают, что правители и другие представители элит поступают несправедливо, и попадают под влияние неортодоксальных взглядов или идеологий, объясняющих им их проблемы и предлагающих изменить общество. Правители могут пойти на реформы, чтобы завоевать доверие элит или народную поддержку и привлечь дополнительные ресурсы. Но реформ обычно недостаточно, и они проводятся слишком поздно, порождая еще большую неопределенность и привлекая новых сторонников в ряды оппозиции.

В этих обстоятельствах умеренное или даже незначительное воздействие, которое могут оказать война, экономический кризис, локальное восстание или какая-то акция — дерзкого неповиновения или жестких репрессий, — способно поднять волну народных волнений и острой конфронтации между группами элит. Если значительная часть элит и различные группы населения вступают в коалицию в борьбе против власти и требуют серьезных перемен, можно считать, что революция началась. Если после этого в армии возникает дезертирство или если военные не хотят или не могут справиться с нарастающим сопротивлением оппозиции, революция достигает поставленных целей. Именно так и происходят революции. Со временем общество переходит из состояния устойчивого равновесия в состояние неустойчивого равновесия. В этом случае незначительные волнения способны вызвать нарастание беспорядков и привести к свержению существующего режима.

Революции не возникают из-за растущего недовольства нищетой, неравенством и других подобных им явлений. Революция — сложный процесс, который неожиданно возникает из общественного строя, приходящего в упадок сразу во многих сферах.

Неустойчивое равновесие и парадокс революции

К сожалению, понять, находится ли страна в неустойчивом равновесии, бывает не просто, поскольку, несмотря на подспудные изменения, положение в ней долгое время может казаться стабильным. Стачки, демонстрации или мятежи можно игнорировать как не имеющие значения до тех пор, пока в них принимает участие небольшое количество людей, а военные и полиция настроены на их подавление и способны это делать. Симпатии других групп к протестующим и недовольство военных и полиции могут до поры до времени не проявляться вовне. Элиты могут скрывать нарастающие разногласия и свою оппозиционность, пока не представится реальная возможность выступить против режима. Правители могут начать реформы, надеясь на их успех, или развернуть репрессии, думая, что они положат конец оппозиции; и лишь задним числом приходит понимание, что реформы не получили поддержки, а репрессии привели к еще большему недовольству и сопротивлению.

Таким образом, революции подобны землетрясениям. Геологи умеют выявлять зоны повышенного риска, и мы знаем, что именно там землетрясения скорее всего и произойдут. Однако серия мелких толчков может означать как релаксацию, так и рост напряжения, за которым вскоре может последовать

сильное смещение. Сказать заранее, что случится, как правило, невозможно. Землетрясение может произойти на хорошо известном разломе, а может случиться на новой или не обнаруженной ранее линии. Знание общих механизмов не позволяет нам предсказывать землетрясения. Подобно этому социологи могут сказать, в каких обществах могут быть разломы и напряжения. Об этом свидетельствуют признаки социального конфликта или проблемы, с которыми сталкиваются институты или группы в решении привычных задач или достижении своих целей. Однако это не означает, что мы можем точно предсказать, когда та или иная страна испытает революционные потрясения.

Исследователи революций согласны друг с другом относительно пяти элементов, которые считаются необходимыми и достаточными условиями неустойчивого социального равновесия. Первый из них — проблемы в экономической и фискальной сферах, мешающие поступлению ренты и налогов в распоряжение правителей и элит и снижающие доходы всего населения в целом. Такие проблемы обычно приводят к тому, что власть повышает налоги или влезает в долги, зачастую делая это способами, которые рассматриваются как несправедливые. Снижается и способность правителей награждать сторонников и платить зарплату чиновникам и военным.

Второй элемент — растущее отчуждение и оппозиционные настроения в среде элит. Элиты всегда конкурируют в борьбе за влияние. Соперничают между собой семейные кланы, партии, фракции. Однако правитель обычно использует эту конкуренцию для того, чтобы обеспечивать поддержку элит, натравливая одни группы на другие и вознаграждая лояльность. Стабильные элиты также стремятся рекрутировать и держать при себе талантливых нович-

ков. Отчуждение возникает, когда та или иная группа элиты чувствует, что ее систематически и несправедливо оттесняют и лишают доступа к правителю. «Старые» элиты думают, что их обходят новички, а новые и честолюбивые элиты — что им перекрывают дорогу старожилы. Элиты могут прийти к мнению, что какая-то определенная группа — узкий круг ближайших друзей или членов этнической или региональной группы, в которую входит правитель, — несправедливо получает основную долю политической власти или экономических дивидендов. В этих обстоятельствах им может показаться, что их лояльность не будет вознаграждена и что режим будет всегда ставить их в невыгодное положение. В этом случае они могут выступить за реформы, а если реформы будут блокироваться или их объявят неэффективными, принять решение о мобилизации и даже попытаться воспользоваться народным недовольством, чтобы оказать давление на режим. По мере роста отчуждения они могут принять решение о свержении и смене существующего общественного порядка, а не просто об улучшении своего положения в его рамках.

Третий элемент — революционная мобилизация, опирающаяся на нарастающее народное возмущение несправедливостью. Это возмущение не обязательно оказывается следствием крайней нищеты или неравенства. Люди скорее чувствуют, что теряют положение в обществе по причинам, которые нельзя считать неизбежными и в которых нет их вины. Это могут быть крестьяне, обеспокоенные тем, что теряют доступ к земле или облагаются слишком высокой рентой, непомерными налогами или другими поборами; или это могут быть рабочие, которым не удастся найти работу или приходится сталкиваться с ростом цен на предметы первой необходимости или неиндексируемыми зарплатами. Это могут быть студен-

ты, которым крайне сложно найти работу, соответствующую их ожиданиям и желаниям, или матери, которые чувствуют, что не способны прокормить детей. Когда эти группы поймут, что их проблемы возникают в результате несправедливых действий элит или правителей, они пойдут на риск и примут участие в мятежах, чтобы привлечь внимание к своему тяжелому положению и потребовать перемен.

Группы населения могут действовать через собственные местные организации, такие как крестьянские коммуны и сельские советы, рабочие союзы, землячества, студенческие или молодежные организации, гильдии или профессиональные объединения. Но их мобилизацией могут также заняться гражданские или военные элиты, которые будут привлекать и организовывать население, чтобы бросить вызов власти.

Группы населения могут принять участие в городских шествиях, демонстрациях и захвате публичных мест. В XIX в. слова «На баррикады!» были призывом преградить путь войскам и не допустить их в «освобожденные» кварталы. Сегодня захват выглядит как заполнение толпами публичных мест в центре городов, таких, как площадь Тахрир в Каире. Рабочие также могут призывать к бойкотам и всеобщим стачкам. Если революционеры считают, что в столице власть слишком сильна, они могут организовать партизанские отряды в отдаленных горных или лесных местностях и постепенно накапливать силы.

Восстания, которые остаются локальными и изолированными, обычно легко подавляются. Но если восстание охватывает несколько районов и к нему присоединяются крестьяне, рабочие и студенты, а эти группы, в свою очередь, устанавливают связь с элитами, сопротивление может оказаться слишком массовым, чтобы власть могла справиться с ним

сразу и целиком. Революционные силы могут сосредоточиваться в отдельных местностях, избегая столкновений с силами правительства в одних районах и нанося удары в других. В какой-то момент офицеры и рядовой или сержантский состав могут отказаться убивать собственный народ ради того, чтобы правительство сохранило власть, и тогда дезертирство или распад армии станут сигналом о скорой победе революционных сил.

Четвертый элемент — идеология, предлагающая убедительный и разделяемый всеми нарратив сопротивления, объединяющая недовольство и требования населения и элит, устанавливающая связь между различными группами и способствующая их мобилизации. Идеология может принять форму нового религиозного движения: фундаменталистские религиозные группы, от английских пуритан и до джихадистов, часто находили оправдание мятежам, ссылаясь на аморальность правителя. Идеология может принять и форму секулярного нарратива борьбы с несправедливостью, подчеркивая права и указывая на невинные жертвы злоупотреблений. Это может быть нарратив национального освобождения. Какой бы ни была форма, действенные нарративы сопротивления подчеркивают чудовищную несправедливость режима, порождая в рядах оппозиции чувство единства и правоты своего дела.

Хотя элиты могут делать акцент на абстрактных понятиях, таких как пороки капитализма или значимость естественных прав, наиболее эффективные нарративы сопротивления опираются также на местные традиции и истории о героях прошлых времен, сражавшихся за справедливость. Американские и французские революционеры приводили в пример революционные истории времен Древней Греции и Древнего Рима. Кубинские и никарагуан-

ские революционеры вспоминали первых кубинских и никарагуанских борцов за независимость — Хосе Марти и Аугусто Сесара Сандино. Исследования выявили интересный факт: чтобы объединять и мотивировать своих сторонников, революционным идеологиям не обязательно предлагать точный план будущего. Напротив, эффективнее всего работают расплывчатые или утопические обещания лучшей жизни в сочетании с подробным и эмоционально убедительным изображением невыносимой несправедливости и неизбежных пороков существующего режима.

Наконец, революции необходима благоприятная международная обстановка. Успех революции часто зависел или от иностранной помощи, поступавшей оппозиции в трудный момент, или от отказа в помощи правителю со стороны иностранной державы. И наоборот, многие революции терпели неудачу или были подавлены интервенцией, направленной на помощь контрреволюции.

Когда совпадают пять условий (экономические или фискальные проблемы, отчуждение и сопротивление элит, широко распространенное возмущение несправедливостью, убедительный и разделяемый всеми нарратив сопротивления и благоприятная международная обстановка), обычные социальные механизмы, которые восстанавливают порядок во время кризисов, перестают работать, и общество переходит в состояние неустойчивого равновесия. Теперь любое неблагоприятное событие может вызвать волну народных мятежей и привести к сопротивлению элит, и тогда произойдет революция.

Однако все пять вышеперечисленных условий совпадают редко. Кроме того, их трудно распознать в периоды кажущейся стабильности. Государство может скрывать свое истинное финансовое по-

ложение, пока неожиданно не произойдет его банкротство; элиты, как правило, не афишируют свою нелояльность, пока не возникает реальная возможность для действия; а группы населения, бурлящие от внутреннего возмущения, скрывают, как далеко они готовы зайти. Нарративы сопротивления могут циркулировать в подполье или тайных ячейках; и пока не начинается революционная борьба, часто неясно, будет ли интервенция иностранных государств направлена на поддержку революции или на ее подавление.

Трудности с выяснением того, на что указывает внешняя стабильность — на устойчивое или неустойчивое равновесие — порождают парадокс революций. Задним числом, после того как революция уже произошла, кажется совершенно очевидным, насколько серьезное влияние на финансы правительств и элит оказывали экономические или фискальные проблемы; насколько отчуждены и далеки от режима были элиты; насколько распространены были чувства возмущения несправедливостью; насколько убедительными были революционные нарративы; и насколько благоприятной была международная обстановка. Причины революции можно расписать в таких деталях, что ретроспективно она покажется неизбежной. Однако на самом деле революции оказываются полной неожиданностью для всех, включая правителей, самих революционеров и иностранных держав. Ленин выступил с широко известным заявлением в январе 1917 г., всего за несколько месяцев до падения царского режима, сказав, что «мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»¹.

---

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 338.

Это происходит потому, что обычно никому не дано предвидеть, когда совпадут все пять условий. Правители почти всегда недооценивают, насколько несправедливыми они выглядят в глазах населения и как далеко они оттолкнули от себя элиты. Если, чувствуя неладное, они прибегают к реформам, то это нередко лишь усугубляет ситуацию. Революционеры часто не до конца понимают фискальную слабость старого режима и масштабы поддержки оппозиции. Им все еще может казаться, что борьба займет много лет, несмотря на то, что элиты и военные уже переходят на сторону оппозиции, а старый режим распадается. Вот почему, даже если революции задним числом кажутся неизбежными, обычно их считают невероятными и даже немыслимыми событиями, пока они не начинают происходить на самом деле.

Структурные и случайные причины революций

Эти пять условий вместе порождают неустойчивое равновесие. Однако они не являются причинами, поскольку не объясняют, что именно привело к образованию в режиме слабых мест на столь многих уровнях и в одно и то же время. Остается неясным, какого рода события порождают сочетание финансовых проблем, отчуждения элит, народного возмущения несправедливостью, распространения нарративов сопротивления и международной поддержки революционных преобразований. Исследователи, как правило, различают структурные причины и причины-поводы. Первые представляют собой долговременные и широкомасштабные тенденции, подрывающие существующие социальные институ-

ты и связи. Вторые — это случайные и непредвиденные события или действия отдельных индивидов и групп, в которых проявляется действие долгосрочных трендов и которые часто побуждают революционную оппозицию к дальнейшим шагам.

Одной из самых распространенных структурных причин революций считаются демографические сдвиги. В истории человечества до какого-то времени численность населения изменялась очень медленно и отставала от экономического и технического прогресса. В этих условиях прямое наследование служило весьма надежным механизмом смены правителей, воспроизводства элит и даже распределения рабочих мест или профессий среди простых слоев населения. Однако, когда численность населения быстро растет в течение нескольких поколений, кумулятивный эффект этого процесса оказывает негативное воздействие на общественные институты. Земли и рабочих мест не хватает, рента повышается, а реальные доходы падают, что вызывает возмущение населения. Цены растут, а налоги собираются плохо, и правителю все труднее вознаграждать своих сторонников и содержать войска. Поскольку выживших детей у элиты становится все больше, наследство перестает обеспечивать средства к существованию для всех отпрысков в семье, и между ними разгорается конкурентная борьба за положение в элите. Наконец, непрерывный рост численности населения, часто называемый демографическим взрывом, приводит к появлению все более многочисленных когорт молодежи, которым трудно найти подходящую работу и которые легко поддаются влиянию новых идеологий и мобилизуются в целях социального протеста. Второй распространенной структурной причиной служат изменения в системе международных отношений. Войны и глобальная

экономическая конкуренция могут ослабить режим и привести к власти новые группы. Революции часто шли волнами, сопровождая мировые или континентальные войны, как это было в Европе после Тридцатилетней войны, в первые десятилетия после Наполеоновских войн, после Первой и Второй мировых войн и по завершении холодной войны.

Изменения в составе и численности населения, а также в международных отношениях часто затрагивают сразу несколько стран того или иного региона, и большое количество государств одновременно впадают в состояние неустойчивого равновесия. Если в одном из таких государств происходит событие-триггер, то революционный взрыв сам может послужить событием-триггером для революций в других государствах. Поэтому революции часто шли волнами и быстро распространялись, перекидываясь с одной внешне стабильной страны на другую.

Третья структурная причина — неравномерное или зависимое экономическое развитие. Нормальным результатом экономического развития является установление большей степени равенства. Одни регионы или группы больше других выигрывают от новых технологий или новой экономической организации, но выгоду должны получать в какой-то степени все группы, и отстающие обычно догоняют остальных по мере распространения новой технологии и новых экономических моделей. Там, где экономический рост настолько неравномерен, что бедные слои и даже средние классы все больше отстают, в то время как небольшая группа быстро богатеет, или там, где экономический рост настолько зависит от иностранных инвестиций, что выгоден главным образом иностранным инвесторам и их партнерам, — в этом случае экономические преобразования будут повсеместно восприниматься как несправед-

ливые, порождать недовольство населения и приводить к отчуждению элит и их расколу.

Четвертой, связанной с предыдущей, структурной причиной считаются новые способы вытеснения или дискриминации, применяемые в отношении отдельных групп. Неравенство присуще всем обществам. Однако честолюбивые индивиды стремятся улучшить свое положение, демонстрируя достижения в военной, образовательной или экономической сфере, и большинство обществ допускает определенную степень мобильности с тем, чтобы элита могла пополняться талантливыми новичками. Там, где с правовой дискриминацией сталкиваются целые группы — например, в обществах с наследственной знатью или этническими и религиозными меньшинствами, вытесненными из политики и каких-то областей экономики, — дискриминация должна официально признаваться и проводиться систематически, чтобы она могла восприниматься в качестве составной части нормального порядка.

И наоборот, новая или принудительно введенная дискриминация или притеснение могут подорвать легитимность режима и сделать целые группы населения врагами существующего общественного порядка. Если имеющиеся каналы социальной мобильности внезапно блокируются, если новые группы берут власть в свои руки и вытесняют прежние элиты или если численность и богатство какой-то группы быстро растет, не сопровождаясь ростом политических возможностей для этой группы, тогда равновесие становится неустойчивым, поскольку целая социальная группа начинает испытывать недовольство и стремится изменить социальную систему, которая, по ее мнению, поступает с ней несправедливо.

Пятой структурной причиной является эволюция персоналистских режимов. Во многих странах

лидер, пришедший к власти либо на выборах, либо как глава военного режима или «партии-государства», становится со временем неотъемлемой частью системы. Манипулируя элитами и политическими институтами, чтобы оставаться у власти десятилетие за десятилетием, правитель начинает рассматривать себя как незаменимого национального лидера. Такие правители, как правило, ослабляют или отчуждают от себя профессиональных военных и деловые элиты, опираясь во все большей степени на узкий круг, состоящий из членов семьи и приближенных, которые получают высокие посты и огромное богатство благодаря системе личного покровительства. Режим, который первоначально опирался на выборы, военных или партию, превращается в персоналистскую диктатуру.

В таких режимах чем дольше правитель остается у власти, тем более коррумпированной она становится и тем большую выгоду извлекают из этого члены его семьи и близкие друзья. Правитель может утратить представление о реальности, и ему теперь безразлично, страдает или нет население от его экономической политики. По мере того как все большие слои элит и групп населения чувствуют притеснение и отчуждение, режим в их глазах становится нелегитимным и несправедливым. Когда экономический кризис ослабляет или провоцирует мятеж, такой правитель вскоре обнаруживает себя изолированным и покинутым собственными элитами.

Как персоналистские диктаторы, так и традиционные монархи часто становятся жертвами совокупности структурных причин, известной как «дилемма диктатора». Правитель относительно бедной или отсталой страны зачастую должен наращивать военную и экономическую мощь, чтобы сопротивляться военному и экономическому давлению со стороны более

развитых держав. Это требует создания более образованных и профессиональных армии и госаппарата, поощрения частной инициативы, увеличения приема в колледжи и университеты, расширения городов и коммуникаций и, возможно, привлечения значительных иностранных инвестиций.

Однако без надлежащего контроля это может привести к обострению общественных отношений. Более образованные специалисты, студенты и бизнесмены недовольны властью и фаворитизмом продажного диктатора, привилегиями приближенных элит и доходами, уплывающими к иностранным инвесторам. Старые элиты могут попытаться остановить новичков. Развивающиеся частные предприятия могут согнать крестьян с их земель и составить конкуренцию традиционным ремесленникам. Растущее население городов трудно держать под контролем, и они становятся центрами распространения альтернативных идеологий. Модернизирующиеся диктатуры и монархии закладывают, таким образом, фундамент для активного противодействия своему собственному правлению; и если они дрогнут перед лицом войны и экономических кризисов или пойдут по пути вопиющей коррупции и репрессий, впереди их ждет революция.

В отличие от структурных причин, которые постепенно, в течение нескольких лет или десятилетий, приводят к неустойчивому равновесию, случайные (*transient*) причины, или причины-поводы, представляют собой неожиданные события, выбивающие общество из колеи и нарушающие стабильность. Это могут быть такие события, как резкий скачок инфляции, особенно если он затрагивает цены на продукты питания; или поражение в войне; или бунты и демонстрации, бросающие вызов власти. В дополнение к этому реакция властей

на протесты может привести к еще более массовым протестам. Репрессии эффективны, когда большинство населения считает протестующих экстремистами и государство расправляется с ними поодиночке. Но если в протестующих видят простых членов общества, а репрессии применяются слишком широко и без разбора, это может заставить элиту и население воспринимать власть как опасный, нелегитимный и несправедливый режим.

Перечисленные случайные события являются причинами революции в нестабильных странах, побуждая людей выступить против власти открыто и массово, и способны привести к ослаблению власти и ускорить переход элиты на сторону оппозиции. Впрочем, в десятках других государств такие события происходят ежегодно, не порождая революций. Все дело в том, что эти государства остаются жизнеспособными и общественный порядок в них восстанавливается, несмотря на любые кризисы. Таким образом, именно структурные причины, которые порождают подспудную нестабильность, исследователи считают основополагающими причинами революций.

Революция начинается тогда, когда режим слабеет, ключевые элиты переходят на сторону оппозиции, а революционеры во главе армий или народных мятежей захватывают власть. Впрочем, исход событий не предрешен, ибо революции — это не единичные события, а длительные процессы. Прежде чем положение стабилизируется, революции могут пройти через фазы контрреволюции, гражданской войны, террора и еще одного революционного взрыва. А результаты революций варьируют в диапазоне от демократии до новой диктатуры.

ГЛАВА 3

Революционные процессы, лидеры и результаты

МНОГИЕ наблюдатели обращают основное внимание на истоки революций, ставя вопрос, что послужило причиной народных восстаний и почему старый режим потерпел крах. Но с падения старого режима драма революции только начинается. По мере развития революций их вожди добиваются успеха или сменяются другими вождями. Различные группы борются за власть и пытаются создать новые институты, и тогда часто происходят новые волнения и гражданские войны. О результатах революций никогда нельзя судить по их истокам. Результаты появляются в процессе самой революции.

Процесс революции

Революция начинается, когда власть теряет контроль над частью населения и территории, и он переходит к группам, требующим смены режима и устранения несправедливости. Территория, контролируемая оппозицией, может ограничиваться площадью в столице или региональном центре или представлять собой опорный пункт далеко в горах на краю страны.

В большинстве случаев эти начинания быстро подавляются, или все выливается в долгие годы бесплодной деятельности. Однако если страна уже находится в неустойчивом равновесии, а режим стоит

перед лицом экономических или фискальных трудностей, имеет дело с недовольным населением и все менее лояльными слоями чиновников и элит, малые начинания вскоре приводят к потере новых территорий и переходу населения на сторону оппозиции. Это первая фаза революции: крах государства, утратившего контроль над обществом. И хотя не существует революций, которые развивались бы по одному и тому же сценарию, исследователи выявляют две главные модели краха режима: коллапс в центре и наступление со стороны периферии.

В случаях коллапса в центре режим ослаблен, причем обычно гораздо сильнее, чем может показаться на первый взгляд. Правительство может находиться на грани банкротства; оно теряет легитимность в глазах управленцев, военных и бизнес-элит, а население в последние несколько лет устраивает локальные протесты, рабочие стачки и крестьянские мятежи. Такие революции могут начинаться с крестьянских мятежей или восстаний в сельской местности, с демонстраций в городах или с вызовов, которые элиты бросают государственной власти. Их могут подстегнуть краткосрочные экономические спады или скачок цен, военное поражение, подтасованные выборы или новые и непопулярные действия правительства. Каким бы ни был первоначальный толчок, за ним в скором времени следует массовая демонстрация в столице.

Правительство пытается разогнать демонстрацию, но сталкивается с неожиданной трудностью: его усилия приводят к еще более крупным демонстрациям. Полиция неспособна своими силами справиться с беспорядками в городах, и правительство вынуждено обратиться к армии. Однако военные отказываются зачищать улицы; ключевые подразделения стоят в стороне, а некоторые могут даже дезерти-

ровать и перейти на сторону оппозиции. Бездействие военных служит для правителя, элит и населения сигналом, который сообщает о том, что режим незащищен. Толпы выходят на улицы и захватывают столицу. Массовые демонстрации происходят в других городах и в сельской местности. Все эти события обычно разворачиваются в течение нескольких недель или, самое большее, нескольких месяцев. В этом случае правитель может бежать из страны, или его задерживают, а элиты при поддержке толпы или военных захватывают административные здания и формируют временное правительство. Среди примеров — французская и русская революции, европейские революции 1848 г., иранская исламская революция, восточногерманская и румынская антикоммунистические революции, «цветные революции» на Филиппинах и в Украине и арабские революции 2011 г. в Тунисе и Египте.

В случае наступления со стороны периферии разложение старого режима не столь очевидно. Однако группе элит, стремящейся свергнуть власть, удается создать плацдарм в какой-то части страны, обычно в горной или лесной местности вдалеке от столицы. Находящаяся в сельской местности небольшая база может многие годы бездействовать. Если режим теряет устойчивость — слабеет экономически, терпит военные неудачи, становится нелегитимным в глазах все большего числа групп населения, утрачивает лояльность элит, то оппозиционное ядро растет, завоевывая новых сторонников, а существующая власть лишается поддержки. Мятежники могут вести партизанскую войну, действуя в сельской местности и нанося удары по силам правительства, или устраивают показательные рейды, демонстрирующие слабость властей. Рабочие могут объявить стачку в поддержку мятежников.

В конце концов оппозиция превращается в регулярную армию, способную сражаться в гражданской войне и захватить столицу. Мятежники могут также придерживаться и тактики ненасилия и использовать все более массовые демонстрации, стачки и бойкоты для давления на правительство с требованием передачи власти. И в том и в другом случае главную роль могут сыграть иностранные державы. Если какие-то страны или группы стран вооружат и организуют оппозицию или если бывшие зарубежные союзники режима прекратят оказывать ему помощь, маятник может качнуться в сторону оппозиции. Когда равновесие нарушается не в пользу режима, в рядах правительственных сил начинается дезертирство и наблюдается падение морального духа и ослабление боеспособности. Этот процесс обычно занимает несколько лет, иногда более десятилетия. Но в конце концов, когда старый режим распадается и отступает, революционные силы захватывают столицу и устанавливают новый порядок. Среди примеров — американская революция, китайская коммунистическая революция, кубинская революция, индийское движение за независимость, никарагуанская революция и арабская революция 2011 г. в Ливии.

В последние годы появилась третья и новая модель — переговорная революция (*negotiated revolution*). Такая революция может развиваться по сценариям революций, начинающихся с коллапса центра или наступления со стороны периферии, с массовых демонстраций в столице или завоевания контроля над локальными базами. Но вместо бегства правительства и передачи власти временному революционному правительству или поражения в гражданской войне режим признает свою неспособность справиться с оппозицией и вступает с ней в переговоры, предлагая стать частью нового, совместного поряд-

ка. Это может привести к новым выборам, в которых как правящая, так и оппозиционная партии будут добиваться мест в законодательном органе или совместных советах, в которые войдут и оппозиция, и прежнее руководство. Впрочем, безоговорочная поддержка населением революционной партии позволит ей доминировать в новых институтах, установить контроль над правительством или ввести в действие законы, изменяющие политический и экономический порядок. Среди примеров — южноафриканская революция против апартеида (которая началась с опорных баз в районах с преобладанием чернокожего населения), польская революция «Солидарности» (опорные пункты которой располагались в портах и католических храмах) и чехословацкая «бархатная революция».

Приходит ли революционное правительство к власти в столице, делая это стремительно, или ведет долгую борьбу, расширяя свою базу, чтобы затем сместить режим, в любом случае захват власти является лишь первой фазой революционного процесса. Вначале падение старого режима встречают ликованием. Во время «революционного медового месяца» люди пробуют на вкус свободу, всячески демонстрируют солидарность и дружбу с согражданами и в высшей степени оптимистический взгляд на будущее. Первые выборы при новом режиме вызывают огромное воодушевление, появляется множество новых партий и политических групп.

Однако революционному правительству придется принять крайне важные решения. Как выбирать лидеров, какими законами должны руководствоваться власти? Будет ли власть централизованной, или она будет распределена между региональными и местными органами власти? В чьем подчинении будут находиться военные? Эти вопросы мож-

но решить при помощи серии декретов или законов, но часто это предполагает составление и принятие новой конституции.

Решения требуют и другие вопросы. Какими должны быть отношения нового режима с другими государствами: следует ли ему искать новых союзников, или он должен продолжить борьбу с противниками старого режима? Будут ли осуществляться перераспределение собственности или смена государственной религии? Как новое правительство будет финансировать свою деятельность — с помощью прежних налогов или вводя новые, через захват собственности или распродавая государственные активы? Как следует поступить с оставшимися лидерами и сторонниками старого режима? Какие новые правила должны регулировать экономику, образование, СМИ, социальную сферу и роль меньшинств? И если старый режим сталкивался с финансовым, военным или экономическим кризисами, то какие меры должен принять новый режим для того, чтобы с ними справиться?

Этих вопросов так много, и они настолько значимы, что различные группы, совершившие революцию, редко приходят к согласию относительно способов их решения. Если сторонники старого режима в большинстве своем бежали из страны и не существует серьезных внешних угроз, революционные лидеры могут прийти к мирному урегулированию своих разногласий, найти время для переговоров о конституции, способной получить поддержку широких слоев населения, и разработать порядок участия или чередования во власти различных групп. Но это случается редко. Обычно разногласия по важнейшим вопросам приводят к размежеванию различных групп, и тогда революция вступает в фазу постреволюционной борьбы за власть.

Расколы нередко усугубляются кризисами, угрожающими существованию нового режима. Сторонники старого порядка, зачастую при поддержке иностранных держав, могут попытаться сместить новый режим с помощью контрреволюции. Региональные группы или меньшинства могут начать борьбу за расширение своих полномочий или против политического курса революционной власти. Эта борьба способна вызвать инфляцию или экономический коллапс. Может начаться гражданская война или война между государствами. Революционные лидеры часто будут очень по-разному смотреть на то, как следует реагировать на такие кризисы.

В ходе этой поляризации часто формируются умеренная и радикальная фракции. Первая может продолжить в том или ином аспекте политический курс старого режима и воздержаться от радикальных преобразований в экономической или социальной сферах. Однако в том случае, если война, экономический кризис или контрреволюция ставят под угрозу существование новой власти, такой политики бывает недостаточно. Если умеренная политика себя не оправдает, лидеры этого толка будут дискредитированы, и поддержку среди населения получают радикалы, которые пообещают решить все вопросы с помощью чрезвычайных мер. На повестку дня выйдут жесткие действия, направленные на повышение доходов государства для защиты нового режима, а также на перераспределение собственности и принятие беспощадных мер в отношении внутренних и внешних врагов.

Эти конфликты обычно находят выражение и в идеологии: радикальные лидеры будут говорить о себе как о представителях «истинной воли» народа и революции и очернять умеренных лидеров и оппонентов, называя их реакционерами и предателя-

ми. Ранее принятые конституции и акты могут быть заменены более радикальными документами; в ходе многих революций одни конституции быстро сменяли другие. Новый режим обычно вводит новую символику и церемониал, новые формы обращения (например, «гражданин» и «товарищ»), новые официальные титулы, новое территориально-административное деление, переносит столицу и поддерживает новые формы в искусстве, одежде и языке.

Радикальные группы нередко смещают «умеренных» с помощью переворота или инсurreкции. Требуя лояльного отношения к своим взглядам и политическому курсу, они могут прибегнуть к чисткам и террору, казням и заключению в тюрьмы многих тысяч людей. Революционеры часто начинают выяснять отношения между собой, отправляя в ссылку или осуждая на смерть бывших товарищей. Дантон, Троцкий, Сапата, Линь Бяо, Банисадр и Эскаланте — вот лишь некоторые примеры видных революционных лидеров, которых их бывшие соратники принесли в жертву богам революции.

Даже после того, как власть полностью переходит к радикалам, новая политика, которую они преследуют, может привести к экономической дезорганизации или спровоцировать гражданские войны или войны с другими государствами, означающими гибель тысяч или даже миллионов человек. Другие государства могут остерегаться распространения на своей территории взглядов и политики радикальных революционеров или считать, что дезорганизация сделает новый режим уязвимым с военной точки зрения. В любом случае очень высока вероятность того, что революционные режимы вскоре будут вовлечены в международные конфликты.

В какой-то момент радикалы одерживают победу либо терпят поражение. В любом случае новое

правительство должно приобрести законный статус, чтобы люди могли вернуться к работе, а экономика начала нормально функционировать. Будь это радикалы и их наследники или новые умеренные правители, сменяющие радикалов, революционный режим становится «новой нормальной» властью. Люди начинают относиться к политике как к способу делать карьеру, а не как к идеологической борьбе, а правительство стремится занять свое место в международном порядке в качестве великой или региональной державы. После этой фазы консолидации ситуация налаживается, и революция кажется завершенной.

Однако спустя одно-два десятилетия старые радикалы или следующее поколение политиков могут решить, что новый порядок не отвечает идеалам революции. Они могут начать мобилизацию элит и других групп населения вокруг новых революционных мер, выступая с нападками на чиновников и их политику и призывая к более радикальным экономическим и политическим действиям. Эта вторая радикальная фаза обычно не приводит к свержению революционного правительства, но возрождает его радикализм, который может привести к серьезным новшествам во внутренней и внешней политике, очередным волнам мобилизации населения и конфликтам. Вторая радикальная фаза обычно становится последним всплеском революционной энергии. При любом исходе — победе или поражении — то, что за ней следует, является реконсолидированной, стабильной версией революционного режима. Среди примеров — сталинская кампания коллективизации в 1930-х гг., культурная революция Мао в 1960-х гг. и национализации и земельные реформы Ласаро Карденаса, проведенные в 1930-х гг. в Мексике.

Революционное руководство: мечтатели и организаторы

Революционные лидеры являются стержнем исторического процесса, это фигуры, благодаря которым мы приходим к пониманию революций. На родине их часто прославляют как «отцов нации», и вокруг них может возникнуть культ личности. Некоторые — Вашингтон, Наполеон, Ленин — остаются в истории как герои, создавшие новые могущественные государства. Другие — Робеспьер, Сталин, Мао — как чудовища, которые слепо следовали своей идеологии и виновны в смерти тысяч и миллионов человек. Однако правильнее было бы сказать, что многие революционеры сочетали в себе оба элемента.

Поскольку задним числом многочисленные факторы, приводящие к неустойчивому равновесию, кажутся определяющими, роль революционных лидеров иногда приуменьшают, считая, что если старый порядок был обречен на крушение, то революционные лидеры, по-видимому, нужны лишь для того, чтобы подобрать его обломки. Однако, чтобы воспользоваться нестабильностью и дезорганизацией и создать в этом хаосе успешное революционное движение и новый режим, требуется умелое руководство. При отсутствии лидеров, формулирующих и пропагандирующих новое видение общества, за экономическим кризисом или военным поражением, скорее всего, последует реставрация старого порядка с минимальными институциональными корректировками и настройками. Если революционные лидеры не смогут создать коалиций, охватывающих различные группы элит и населения, старый режим, вероятнее всего, нанесет поражение своим врагам, и никакой революции не произойдет. Таким

образом, решения об умеренном либо радикальном политическом курсе, о начале войны или террора, о перестройке законов и общества, а также конечный успех и результаты революций находятся в руках революционных лидеров.

Революционные лидеры умеренного толка обычно являются выходцами из элиты, а порой и из самого режима. Это военные офицеры, законодатели или региональные чиновники. Часто они сторонники реформ, которые пусть и неохотно, но все же встают на путь революции, когда выясняется, что старый режим не идет на компромиссы, деспотичен или некомпетентен и не способен решить насущные проблемы страны. Радикальные революционные лидеры также обычно происходят из элиты, но из средних ее слоев — мелких чиновников, специалистов, студентов и лидеров местного значения. Это те самые люди, которые благодаря своему происхождению и образованию в более стабильные времена делают карьеру в политике, бизнесе или в рамках своих профессий. Как правило, в их жизни произошли события, которые их радикализировали: они сами или члены их семей могли стать объектом злоупотреблений со стороны правительственных чиновников или подвергнуться наказанию за политические взгляды. Это чаще всего горячие патриоты, остро переживающие проблемы общества, приводящие к неустойчивому равновесию. Поэтому они прилагают все силы к тому, чтобы найти способы выхода, и выступают за серьезные изменения в политике властей. Такие кампании часто приводят их к конфликтам с властями.

Революционные лидеры должны обладать специфическими качествами. Лидеры, обладающие видением будущего общественного устройства, как правило, плодовитые авторы и часто великие ораторы,

бичующие пороки прежнего режима и приводящие убедительные аргументы в пользу перемен. Они рисуют картину несправедливостей старого общественного строя и абсолютной необходимости и неизбежности преобразований, которая способна мотивировать и объединять различные группы вокруг революции. Во время революции лидеры-мечтатели, которых также можно назвать визионерами, продолжают вдохновлять и направлять революционные силы. Среди таких лидеров — Томас Джефферсон, Робеспьер, Франсиско Мадеро, В.И. Ленин, Мао Цзэдун, Фидель Кастро, Хо Ши Мин, Махатма Ганди, Вацлав Гавел и аятолла Хомейни.

Лидеры другого типа — великие организаторы и вожди; именно они создают революционные армии и бюрократии и обеспечивают их снабжение и содержание. Лидеры-организаторы находят способ реализации идей лидеров-мечтателей, обеспечивая победу революции над врагами и осуществляя ее экономические и политические цели. Обычно это люди прагматического склада и часто выдающиеся полководцы. Среди таких лидеров — Джордж Вашингтон, Наполеон, Венустиано Карранса, Лев Троцкий, Чжоу Эньлай, Рауль Кастро, Во Нгуен Зиап и Лех Валенса.

Чтобы революция победила, ей необходимы лидеры обоих типов. Без лидеров-визионеров, вдохновляющих и объединяющих оппозицию, старый режим обычно изолирует и уничтожает своих разобщенных оппонентов. Без лидеров-организаторов враги, внутренние и внешние, легко побеждают революционные силы, а новый революционный режим загнивает и распадается из-за неэффективной политики и недостатка ресурсов.

В большинстве революций лидеры-визионеры и лидеры-организаторы являются партнерами,

и, скорее всего, среди революционеров можно встретить несколько лидеров, выполняющих эти роли. Но в некоторых случаях одна и та же фигура выступает и в роли лидера-визионера, и в роли лидера-организатора. Примерами служат Симон Боливар, Кемаль Ататюрк и Дэн Сяопин. Какую бы роль ни выполняли революционные лидеры, оценка их деятельности часто определяется результатами революций, которые они возглавляли.

Революционные результаты

Подчас оценить результаты революции довольно трудно, поскольку непонятно, когда именно следует проводить оценку. Являются ли главным результатом русской революции 1917 г. миллионы, погубленные сталинской коллективизацией 1930-х гг.? Или же необходимо сосредоточить внимание на поразительном факте выживания Советского Союза после нападения нацистов и на превращении СССР к началу 1960-х гг. в одну из двух мировых сверхдержав? Следует ли считать крах Советского Союза в 1989–1991 гг. неизбежным результатом русской революции, которая произошла семьдесятю двумя годами ранее, или же это результат неудачных решений, принятых Горбачевым и другими советскими лидерами в 1980-х гг.?

Является ли итогом американской революции 1776 г. конституция, принятая в 1787 г. и остающаяся в силе вот уже более двухсот лет? Или следствием революции и конституционных компромиссов нужно считать кровавую гражданскую войну 1860-х гг.?

Результаты революций многочисленны, многообразны и возникают на разных ее этапах. Важным результатом Американской революции приня-

то считать создание демократии; однако на самом деле более половины населения в последующие сто с лишним лет (женщины и рабы) были лишены права голоса. Во времена пролетарской культурной революции Китай казался страной, разорванной на части и доведенной до нищеты внутренним конфликтом и идеологическим расколом. Однако через двадцать лет он уже находился на пути, который привел к современному чуду: страна стала второй крупнейшей экономикой в мире.

Несмотря на это многообразие, существует несколько общепринятых принципов, касающихся итогов революций. Первый принцип гласит, что результаты не проявляются слишком быстро. Процессы, описанные в предыдущем разделе, обычно занимают многие годы и даже десятилетия. После падения старого режима проходит в среднем десять-двенадцать лет, прежде чем начинает вырисовываться облик стабильного нового революционного режима.

Во-вторых, революции подразделяют на несколько типов, с характерными, присущими им результатами. «Социальные революции» предполагают перераспределение больших массивов собственности, а к власти приходят ранее притеснявшиеся социальные группы. Масштаб перемен неизменно приводит к попыткам контрреволюции и требует для консолидации преобразований сильного режима. Поэтому возникают высокоцентрализованные, авторитарные государства, часто партии-государства или коммунистические режимы. Как правило, они выдвигают социальные программы, которые нацелены на достижение более высокого уровня экономического равенства, перераспределение земли или коллективизацию, ликвидацию неграмотности и реформу образования, а также меры по развитию здравоохранения. Они часто проходят через периоды быстрой

индустриализации и экономического роста и основаны на жестком центральном руководстве, однако если не проводятся рыночно-ориентированные реформы, этот рост существенно замедляется и заканчивается экономической стагнацией. Примерами могут служить французская, мексиканская, русская, китайская коммунистическая, кубинская, эфиопская и иранская исламская революции.

«Антиколониальные революции» предполагают восстание против иностранных держав, контролирующих ту или иную территорию, и нацелены на создание нового независимого государства. Помимо завоевания независимости они приводят к неоднозначным последствиям внутри страны — одни ведут к демократиям, другие — к военным режимам или гражданским диктатурам, третьи — к коммунистическим режимам. Своим появлением — и это роднит между собой их результаты — новые национальные образования подрывают господствующую систему международных отношений. Потеря территории часто ослабляет бывшую метрополию, в то время как новые государства могут превратиться в полноправные региональные державы. Другие державы могут стремиться к улучшению своего положения через союз с новыми государствами или пытаясь поставить их под свой контроль. Антиколониальные революции, таким образом, практически всегда приводят к важным изменениям в международных отношениях, которые затрагивают многие государства. И если колониальные режимы других государств тоже достигли состояния неустойчивого равновесия, всего одна антиколониальная революция может поднять волну таких революций, которая прокатится по всему континенту. Среди примеров — американская, гаитянская, латиноамериканская, алжирская, индийская, вьет-

намская, индонезийская, ангольская и мозамбикская революции.

«Демократизирующие» революции нацелены на свержение авторитарного режима — коррумпированного, неэффективного и нелегитимного — и замену его более вменяемым и представительным правлением. Они не мобилизуют своих сторонников, взывая к классовым антагонизмам (крестьяне против землевладельцев, рабочие против капиталистов), но заручаются поддержкой всего общества. Демократизирующие революции могут начаться с избирательной кампании или с протестов против мошенничества на выборах. В них отсутствует идеологическая страсть, присущая революциям, вожди которых считают себя творцами нового общественного строя или нового государства. Поэтому они обычно носят ненасильственный характер и не приводят ни к гражданской войне, ни к радикальной фазе, ни к революционному террору. К сожалению, отсутствие жесткой борьбы означает, что власть попадает в руки нескольких различных групп, ни одна из которых не желает принимать меры, необходимые для консолидации власти и укрепления нового режима. Эти революции обычно плывут по течению; лидеры оказываются во власти коррупции и междоусобных разборок, а конечным результатом таких революций становится псевдодемократия, которая характеризуется либо часто сменяющимся руководством, либо возвращением авторитарных тенденций. Это особенно заметно в странах, которые не имели опыта демократии. Среди примеров — европейские революции 1848 г., китайская республиканская революция 1911 г., антикоммунистическая революция в Советском Союзе, «цветные революции» в Украине, на Филиппинах и в Грузии, а также арабские революции в Тунисе и Египте в 2011 г.

Не все революции принадлежат к названным главным типам. Например, революции 2011 г. в Ливии и Сирии начинались как демократизирующие, однако высокая степень этнической и племенной лояльности населения своим правителям привела к гражданской войне. Турецкая революция, Реставрация Мэйдзи и революция Насера в Египте, — все они стремились заменить традиционные монархии или империи современными национальными государствами с конституциями и светскими правительствами, однако все в конечном итоге привели к военным режимам.

Как правило, революции приводят к демократии в обществах, уже имевших опыт демократического правления, а также там, где нет серьезных угроз в виде контрреволюции и гражданской войны. И наоборот, чем выше в рамках нового режима уровень поляризации и конфликта между соперничающими группами и чем сильнее приверженность революционных лидеров какой-то конкретной идеологии или этнической идентичности, тем менее вероятно, что результатом революции станет демократия.

Приверженность к какой-то конкретной идеологии или этнической идентичности делает новые революционные режимы особенно нетерпимыми к меньшинствам, которых часто превращают в козлов отпущения, сваливая на них вину за нерешенные социальные проблемы и объявляя их предателями или врагами. В некоторых случаях, таких как нацистская революция в Германии и кхмерская революция в Камбодже, нападки режима на меньшинства доходили до геноцида. Расовым и религиозным меньшинствам обещают многое, но для постреволюционных обществ подлинное равенство не характерно. Например, как в США после эмансипации, так и в коммунистической Кубе чернокожее насе-

ление продолжало страдать от дискриминации, несмотря на провозглашенное формальное равенство.

Еще одной областью, в которой результаты революций неизменно разочаровывали своих сторонников, являются права женщин. В течение долгого времени женщины устраивали шествия, демонстрации и боролись наряду с мужчинами за социальную справедливость. В 1789 г. парижанки пошли походом на Версаль, требуя продовольствия и достойных условий существования для своих семей и детей, а в 1791 г. Мари Гуз опубликовала «Декларацию прав женщины». В Мексике ведущими организаторами и авторами политических работ были Долорес Хименес-и-Муро и Эрмила Галиндо. Тысячи женщин сражались в революционных армиях как *soldaderas*. В России и Германии Александра Коллонтай, Надежда Крупская и Роза Люксембург входили в руководство коммунистических и социалистических партий. На Кубе важную роль в революции играли Селия Санчес и Вильма Эспин, а в Никарагуа более 30% вооруженных сандинистов составляли женщины.

В обмен на исключительное мужество и жертвы революционные лидеры часто обещают женщинам равное положение в новом революционном режиме. Однако вплоть до настоящего времени все происходит таким образом, что как только революционный режим берет власть в свои руки, мужчины неизменно захватывают большинство главных политических, военных и экономических постов, а женщин уговаривают вернуться в семьи и заниматься исключительно домашним хозяйством. Даже там, где женщинам предоставляется возможность получить образование, работу и войти в профессиональное сообщество, их труд оплачивается хуже, чем труд мужчин, и им все еще приходится выполнять

большую часть обязанностей, касающихся воспитания детей и ведения домашнего хозяйства. И хотя в некоторых случаях в результате революций женщины становились национальными лидерами — примерами служат Индира Ганди в Индии, Виолета Чаморро в Никарагуа и Корасон Акино на Филиппинах, — они добились этого как преемницы своих отцов или мужей, видных политиков, и были не в состоянии изменить доминирующий патриархальный характер своих обществ. Как и этнические и религиозные меньшинства, женщин систематически обманывали, обещая им равенство. Успеха же они достигали только тогда, когда организовывали собственные массовые кампании в защиту избирательных и других прав.

В историческом развитии человечества революционные процессы и результаты эволюционировали. Идея гражданства, берущая начало во времена революций в древнегреческих городах-государствах, получила новую жизнь в эпоху Возрождения, а затем воодушевляла революции XVIII в. в Америке и Франции. Мечта о социализме, появившаяся на свет в XIX в., повлияла на коммунистические революции XIX и XX вв. Возникшая в Европе идея национализма как права этнических сообществ на самоуправление в более поздний период породила антиколониальные революции против европейских держав. Иначе говоря, революции оказывали постоянное влияние на политику, государства и международные отношения, способствуя их пересмотру и корректировке.

Не будь революций, не было бы и современного мира демократических и конституционных правительств, борьбы за свободу и права человека и концепций гражданства и национального государства. Однако за это пришлось заплатить высокую цену.

В результате французской революции более миллиона мужчин и женщин погибли в восстаниях, гражданских войнах и войнах между государствами. Из тех, кто жил в предреволюционной Франции, погиб примерно каждый двадцатый. Десятки миллионов погибли в мексиканской, русской и китайской коммунистических революциях, примерно каждый десятый в каждой из этих стран. Некоторые недавние революции были не такими кровавыми, например, «бархатные революции» против коммунизма в Восточной Европе. В отличие от них, во время революции красных кхмеров в Камбодже, в ходе войны и в результате геноцида, погибло почти 30% населения. Таким образом, революции заслуживают того, чтобы рассматривать их не только как героические, но и как трагические события.